

УДК 811.111.1'38

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА

Сафонкина С.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется творческая биография Джерома К. Джерома, те лингвистические и экстралингвистические факторы, что способствовали формированию его идиостиля. Выявляются, анализируются и систематизируются стилистические приёмы, используемые в авторском и перепорученном повествовании, характерные для идиостиля Джерома К. Джерома. Как показывает анализ, язык писателя отличается широким употреблением субстантивной метафоры, метафорических и персонифицирующих эпитетов, сравнений, повторов, антитезы.

Ключевые слова: ирония, юмор, идиостиль, стилистические приёмы.

JEROME K. JEROME'S IDIOSTYLE FEATURES

S. Safonkina

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str. 10A, Russian Federation*

Abstract. In the article some important facts concerning Jerome K. Jerome creative writing are analyzed, linguistic and extralinguistic factors that contributed to forming his idiosyle are considered. Various stylistic devices characteristic of Jerome's style used both in intrusted and author's narrative are explored and systematized. As the analysis proves substantive metaphors, metaphoric and personifying epithets, similes, repetitions, antithesis are widely used in the writer's language.

Key words: irony, humour, idiosyle, stylistic devices.

Идиостиль является органичной частью творческой индивидуальности писателя, отражает его уникальность и отличает того или иного художника от собратьев по перу.

Под идиостилем писателя обычно имеются в виду характерные для его манеры письма стилистические выразительные средства. Вместе с тем индивидуально-авторский стиль (идиостиль) отражает национальные, психологические и нравственно-эстетические особенности писателя.

Проанализируем некоторые из характерных для стиля Джерома К. Джерома черт на примере его, как сказали бы сегодня, культового произведения, светлой, весёлой повести «Трое в лодке, не считая собаки» [10], и не столь известного, написанного позже, совершенно другого по стилю и настроению произведения,

повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны» [12]. Но поскольку идиостиль писателя как языковой личности формируется под воздействием всего многообразия экстралингвистических факторов и проявляется в структуре, семантике и прагматике текста его произведений, упомянем некоторые из фактов биографии писателя, необходимых для понимания той концептуальной картины мира, которая ему присуща и которая проявляется в тексте его произведений.

Отец Джерома был архитектором, потом владельцем угольных шахт, но семья разорилась, он умер, когда Джерому было 12 лет. Через три года умирает его мать, и с четырнадцати лет подросток сам стал зарабатывать на жизнь, поступив клерком в железнодорожную компанию, и в первое время занимался тем, что собирал уголь, валявшийся вдоль железной дороги. Стремление стать литератором, в котором его поддерживала мать, живет в нём со школьных лет, когда он много и увлечённо читает. А жизнь бедняков, нищету и тяжёлый труд жителей рабочих кварталов Лондона он наблюдал воочию, когда, обеднев, осаждаемый кредиторами отец перевёз семью в восточный пригород столицы, примыкавший к Ист-Энду, где нищета «начиналась сразу за порогом». Заметим, что, видимо, эти впечатления юности и позволили писателю так достоверно изобразить жизнь рабочей окраины, где были расположены склады Ингерфилда.

В восемнадцать лет Джером увлёкся театром и, став актёром бродячей труппы, провёл на сцене три года. Уже тогда товарищи по труппе видели у Джерома К. Джерома талант комика,

он же мечтал о карьере трагика, ему было мало только смешить людей. Поэтому, расставшись с театром, Джером К. Джером обращается к литературе. Стремясь выбиться «в люди», Джером сменил много профессий. Он был и репортёром, и школьным учителем, и секретарём у подрядчика, и клерком в конторе стряпчего. И, одновременно, писал – много и непрерывно.

Первый успех принесла ему книга «На сцене и за кулисами» [8], опубликованная в 1885 г. В ней он с юмором пишет о жизни театра, о приехавших зрителю театральных штампах и сценических персонажах.

Вторая книга Джерома «Праздные мысли лентяя» издана в 1886 г. Это короткие юмористические рассказы, написанные в форме эссе на различные темы: о праздности, о влюблённости, о погоде, о суете и тщеславии и др. Приведём несколько цитат из этого сборника, отличающихся своей афористичностью: «Стремление к праздности всегда было сильной чертой моего характера», «Невозможно вполне наслаждаться праздностью, если у вас нет множества дел» («О праздности») [4, с. 280]; «Мы пьём за здоровье друг друга и портим собственное здоровье» («О еде и питье») [4, с. 311]; «Память – это капризное дитя: все её игрушки поломаны», «Музыка жизни умолкнет, если оборвать струны воспоминаний» («О памяти») [4, с. 314; 320]. Заметим, что, рассуждая о бедности в рассказе «О том, как бывают в стесненных обстоятельствах», Джером вспоминает обстоятельства собственной жизни, когда, будучи провинциальным актёром, он порой существовал целыми неделями на пятнадцать шиллингов, даже иногда и на десять, а однажды прожил полме-

сяца и на ещё меньшую сумму, вырученную от продажи старого костюма. Рассказы автор предваряет словами, что посвятил этот маленький томик “to the companion of my idle hours, the soother of my sorrows, the confidant of my joys and hopes – my oldest and strongest pipe” [9] – «товарищу моих праздных часов, утешителю моих горестей, поверенному моих радостей и надежд, – моей старой трубке» (перевод автора).

В 1889 г. появляется повесть о путешествии троих друзей по реке, главный шедевр Джерома, после её публикации писатель приобретает финансовую независимость, оставляет службу в конторе стряпчего, много пишет, ездит по стране, читает лекции, путешествует.

Обе книги, и сборник «Праздные мысли лентяя», и его знаменитая повесть «Трое в лодке, не считая собаки», имели успех, были восторженно приняты публикой. Однако отзывы критиков, современников Джерома, расходились с мнением читателей. В автобиографии «Моя жизнь и эпоха» [13], написанной в 1926 г., он вспоминал, как критики обвиняли его в грубости и вульгарности, отсутствии вкуса, насмешливо называли отцом нового юмора, угрозой английской литературе. “One might have imagined – to read some of them – that the British Empire was in danger” [13, p. 87] – «Почитать некоторых из них, так можно было вообразить, что Британская империя была в опасности» (перевод автора) – вспоминал Джером в своих мемуарах.

Писателя упрекали в том, что его юмор не соответствует традициям английской юмористики. С этим трудно согласиться, ведь тип героя-чудака и юмор положений, характерные для произведений Джерома К. Джерома,

не были чужды английской литературе, рядом с юмором характеров они встречаются в романах Г. Филдинга, Т. Смоллетта, Ч. Диккенса [1, с. 11].

Повесть «Трое в лодке, не считая собаки» написана в традиции жанра юмористического путешествия, во время которого на героев обрушиваются неисчислимы бедствия.

Джером принялся за создание повести сразу же по возвращении из свадебного путешествия по Темзе. После венчания в июне 1888 г. молодожёны отправились в плавание по Темзе на гребной лодке, проведя на реке свой медовый месяц. В то время увлечение речными прогулками было повсеместным среди горожан. Вернувшись, супруги поселились в фешенебельном районе западной части Лондона, Челси, и Джером решил написать книгу, которая должна была стать путеводителем по Темзе, описывающим её ландшафт и историю, назвав её «История Темзы» и вставляя в неё помимо серьезных описаний юмористические отрывки. Однако основным содержанием книги всё же стало весёлое повествование о приключениях трёх английских джентльменов, попадающих в комичные ситуации и преодолевающих трудности лодочного похода, в котором, кроме того, упоминаются и интересные факты из истории Англии и небольших городов на берегах реки, мимо которых они проплывают. Название книги пришлось изменить.

У Джерома К. Джерома было двое друзей, с которыми он неоднократно путешествовал на лодке по Темзе и ездил на велосипедах через Европу в Шварцвальд. Звали этих друзей Карл Хенчель и Джордж Уингрейв. Они и стали прототипами персонажей по-

вести. С последним Джером познакомился, когда работал клерком в адвокатской конторе. Джордж Уингрейв (выведенный в книге как Джордж) был банковским служащим, который "...goes to sleep at a bank from ten to four each day, except Saturdays, when they wake him up and put him outside at two" [10, p. 16], – «...спит в каком-то банке от десяти до четырёх каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют оттуда в два» [5, с. 41], как напишет о нём Джером во второй главе. Оба они квартировали в Лондоне, снимая комнату на двоих. Оба молодых человека оказались страстными театрами, и возникшую на этой почве дружбу они сохранили до конца своей жизни. Джордж так и остался холостяком, дорос до управляющего банком и умер в возрасте 79 лет в марте 1941 г.

Второй прототип, Карл Хенчель, которого в своей книге Джером окрестил Уильямом Самюэлем Гаррисом, в 23 года основал клуб театралов, начав тем самым длинную и выдающуюся карьеру, которая заслужила некролог в "Таймс". Позднее Хенчель заявлял, что не пропустил почти ни одной лондонской премьеры с 1879 г. Именно на театральном поприще Джером и познакомился с ним. Умер Карл Хенчель в январе 1930 г., оставив жену и троих детей.

Однако кое-что по сравнению с прототипами Джером в своих персонажах изменил. Так, читатели были уверены в том, что Гаррис любит выпить: взять хотя бы упоминание о совсем небольшом количестве таких трактиров, в которые Гаррис ни разу не заходил. На самом деле Хенчель (Гаррис) был единственным трезвенником из них троих.

Фокстерьера Монморенси Джером выдумал, признавая, что наделил его некоторыми своими чертами. Фокстерьер Джим появился в семье Джеромов в более поздние годы, став любимцем писателя.

Джордж, Гаррис и рассказчик (Джим) – герои двух комических эпипей: «Трое в лодке, не считая собаки» и опубликованной в 1900 г. повести «Трое на велосипедах», рассказывающей о путешествии наших старых знакомых по Германии. В обеих повестях о путешествии трёх друзей рассказывает один из участников событий. В композиционном отношении они представляют собой набор комических эпизодов, объединённых образом рассказчика и темой дороги.

Это представители среднего класса, пусть беспечные, но такие ироничные и обаятельные английские джентльмены, борющиеся с трудностями путешествия и непривычным походным бытом. Англичане с хорошим чувством юмора, они могут быть смешными и трогательными, с ними всё время приключаются забавные происшествия, они иронией и самоиронией защищаются от повседневных забот. Это образы героев-чудаков, неприспособленных к жизни, постоянно попадающих в комичные ситуации и всё же симпатичных читателю. Их узнаваемость, чудаковатость делают их похожими на героев произведений Ч. Диккенса.

Стилистические лексические средства в персонажной речи в повести «Трое в лодке, не считая собаки»

Использование Джеромом лексических стилистических средств в персонажной речи мы исследовали на

примере его повести «Трое в лодке, не считая собаки», самом известном его произведении. Написана она в форме перепорученного повествования от первого лица. Персонажная речь, главным образом, звучит из уст самого рассказчика, а его друзья Гаррис и Джордж вставляют реплики лишь изредка в довольно немногочисленных приведенных в повести диалогах. Мысли и рассуждения четвертого участника путешествия, фокс-терьера Монморенси, естественно, читаются в изложении их рассказчиком. Повесть начинается с того, что трое друзей – Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, рассказчик, а также его собака, фокс-терьер Монморенси, – сидя перед камином в гостиной рассказчика, решают, что им надо недельку отдохнуть, выбравшись на природу куда-нибудь в «уединённое местечко» [5, с. 31] – “retired spot” [10, р. 12], «провести в мечтах солнечную недельку среди сонных тропок» (перевод автора) – “dream away a sunny week among its drowsy lanes” [10, р. 12], забираясь высоко в орлиное гнездо, «причудливо взгромоздившееся на утёсы Времени» (перевод автора) – “quaint-perched eyrie on the cliffs of Time” [10, р. 12], «вдали от шумного мира» – “out of the reach of noisy world” [10, р. 12] Лондона с его «безумными толпами» madding crowd [10, р. 12]. Как видим, описывая мир своей мечты и противопоставляя его лондонской повседневности, рассказчик не скупится на эпитеты и даже использует метафору cliffs of Time (утёсы Времени). Троице приятелям надо отдохнуть и поправить здоровье, особенно рассказчику, который как-то раз, отправившись в Британский музей, чтобы прочитать там медицинскую книжку по поводу сенной

лихорадки, которой он страдал, увлёкся, прочитав весь справочник и нашёл у себя симптомы всех описанных в нём болезней. Он понял, что это «ужасное, огромное бедствие» (перевод автора) – “some fearful, devastating scourge” [10, р. 8], и сидел, «застыв от ужаса, с равнодушием отчаяния» [5, с. 28] – “I sat frozen with horror in the listlessness of despair” [10, р. 8]. Вновь видим использование эпитетов и метафоры. Раздумывая, как бы он был полезен студентам-медикам в качестве наглядного примера, рассказчик вновь использует метафору (в форме квазитождества): “I was a hospital in myself” [10, р. 9] – «Я сам по себе был госпиталем» (перевод автора).

Рассказчик наделяет Монморенси речью, и в конце первой главы Монморенси возражает против лодочной прогулки, «говоря», что пейзажи его не интересуют, и потом, он не курит (“I don't smoke” [10, р. 15]). В его монологе используются синтаксический параллелизм и анафорический повтор: “If I see a rat, you won't stop; and if I go to sleep, you <...> slop me overboard” [10] – «Если я увижу крысу, вы все равно не остановитесь, а если я засну, вы <...> плюхнете меня за борт» [5, с. 40]. А в тринадцатой главе рассказчик наделяет речью и «большущего подозрительного вида чёрного кота» (перевод автора) – “large black <...> disreputable-looking cat” [10, р. 102], приводя воображаемый мысленный диалог между ним и Монморенси. Мускулистый «жилистый кот» (перевод автора) – “sinewy-looking animal” [10, р. 102] побывал во многих переделках, потерял ухо и хвост, и небольшой фокс-терьер вежливо отступил. Описывая кота, Джером использует эпитеты, выраженные сложными прилагательными.

Если уж говорить о Монморенси, то нельзя не вспомнить метафору и знаменитый фразовый эпитет Джерома К. Джерома, когда во второй главе рассказчик говорит о бойцовском, дерзком характере пса и лицемерном умильном выражении, которое он придавал своей морде. Потому что, взглянув на Монморенси, можно было бы подумать, что «он ангел, посланный на землю» [5, с. 47] – “*he was an angel sent upon the earth*” [10, p. 19]. И, глядя на него, на глазах у благочестивых старых леди и джентльменов появляются слёзы, потому что “*there is a sort of Oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler expression about Monmorency*” [10] – «он словно хочет сказать: «О, как испорчен этот мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее» [5, с. 47].

Поскольку мы уже говорили, что идиостиль писателя выражает его нравственно-эстетические особенности, его взгляд на мир, с этой точки зрения представляется интересным проанализировать некоторые из философских рассуждений писателя, высказанных им от лица рассказчика и, безусловно, оформленных рядом стилистических приёмов. Так, этим рассуждениям посвящена целая страница в третьей главе. Побудительным мотивом к ним служит реплика Джорджа, построенная на антитезе о том, что друзья хотят взять в путешествие по реке слишком много вещей: «Мы на ложном пути. Нам следует думать не о тех вещах, которые могут нам пригодиться, а о тех, без которых нам не обойтись» (перевод автора) – “*We are on the wrong track altogether. We must not think of the things we could do with, but*

only of the things that we can't do without” [10, p. 23]. И рассказчик замечает, используя метафору “*river of life*”, что это мудрое высказывание верно и в целом по отношению к нашему путешествию по реке жизни: “*with reference to our trip up the river of life generally*” [10, p. 23]. И, перечисляя всё то громоздкое и ненужное, тот хлам (*lumber*), а именно роскошную одежду, большие дома, бесполезных слуг, уйму неискренних друзей и т. д., которым многие по самую мачту загружают свою лодку в путешествии по жизни, рискуя перевернуться, рассказчик призывает, неоднократно используя повтор: “*Throw it overboard. <...> Throw the lumber over, man!*” [10, p. 24] – «Выбросьте его за борт. ...Выбросьте этот хлам за борт!» [5, с. 56]. Джером заключает, используя метафору “*boat of life*”: “*Let your boat of life be light, packed with only what you need*” [10, p. 24] – «Пусть ваша лодка жизни будет лёгкой и несёт только то, что вам необходимо» (перевод автора).

Джером не раз пускается в весьма ироничные рассуждения о человеческой природе. Так, возвращаясь к теме «иметь и не иметь», он замечает, прибегая к антитезе: “*Each person has what he doesn't want, and other people have what he does want*” [10, p. 44] – «Один человек имеет то, что ему не нужно, а другие обладают тем, что он хочет» (перевод автора). И, развивая эту тему, делясь своими наблюдениями над жизнью, вновь используя антитезу, с мягким юмором отмечает: “*Married men have wives, and don't seem to want them; and young single fellows cry out that can't get them*” [10, p. 44] – «Женатые мужчины имеют жён и, видимо, не дорожат ими, а молодые холостяки кричат, что не могут найти жену» [5, с. 92]. Он вспо-

минает о школьном приятеле, который всё время болел, в то время как его друзья мечтали поболеть хоть недельку и не ходить в школу, о богачах, которые умирают бездетными, и бедняках, которые не могут прокормить дюжину своих ребятишек, и в итоге приходит к неутешительному заключению, в котором звучит распространённая метафора: *“Such is life; and we are but as grass that is cut down, and put into the oven and baked”* [10, p. 45] – «Такова жизнь, и мы – лишь трава, которую срезают, кладут в печь и жгут» [5, с. 94]. Приведём ещё две его сентенции философского характера, построенные в форме квазитожеств: *“We are creatures of the sun”* [10, p. 47] – «Все мы – создания солнца» (перевод автора), *“Pain and Sorrow are but the angels of God”* [10, p. 80] – Горе и мука не что иное, как ангелы Господни (перевод автора).

Надо сказать, что Джером, по-видимому, не согласен и со строгой викторианской моралью английского общества конца XIX в. В шестнадцатой главе он рассказывает историю утопленницы, молодой женщины, полюбившей и родившей ребёнка вне брака, от которой отвернулись родственники и друзья. Он явно сочувствует ей, предполагая, что её мольбы о помощи натолкнулись на *“the chill wall of their respectability”* [10, p. 130] – «холодную стену их респектабельности» (перевод автора), «и лишь старая река приняла её в свои нежные объятия» (перевод автора) – *“And the old river had taken her into its gentle arms”* [10, p. 131] (использование субстантивных метафор). Приведём афористичное образное высказывание Джерома о женщинах, которые всё же помнят и любят мужчину, бросившего, и быть может, по-

губившего их: *“women strangely hug the knife that stabs them”* [10, p. 130] – «женщины странным образом любят нож, который их ранит» (перевод автора).

В повести Джером проявляет себя как англичанин, любящий свою «зелёную Англию». Как истинный художник слова, он рисует картины природы, использует большое количество эпитетов и метафор, чтобы передать тончайшие её оттенки, и обещает, что читатель сможет «напитаться солнечным светом жизни, услышать эолову музыку, которую божественный ветер извлекает из струн нашего сердца» [5, с. 57] – *“to drink in life’s sunshine, to listen to the Aeolian music that the wind of God draws from the human heart-strings”* [10, p. 24]. Читатель будет «любоваться золотом и зеленью лесов, белыми и желтыми лилиями, мрачным колышущимся тростником <...> и голубыми незабудками» [5, с. 56] – *“to watch woods all green and golden, or the lilies white and yellow, or the somber-waving rushes, <...> or the blue forget me not”* [10, p. 24]. Надо отметить, что в пейзажных описаниях, например, изображений угасающего дня и ночной реки, Джером прибегает к красивейшим, и сложнейшим распространённым метафорам, в которых угадывается его любование природой, чья красота восхищает его эстетическое чувство: *“Night upon her somber throne, folds her black wings above the darkening world and from her phantom palace, lit by the pale stars, reins in stillness”* [10, p. 16] – «Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своём призрачном дворце, освещённом бледными звёздами» [5, с. 42]. Говоря о ночи, он использует олицетворение и срав-

нение: "Then Night, like some great loving mother <...> smiles, <...> Night's heart is full of pity for us" [10, p. 80] – «Ночь, как великая, любящая мать, <...> улыбается, <...> Сердце ночи полно жалости к нам» [5, с. 155].

Он сравнивает плавание под парусом с полётом, прибегая к субстантивной метафоре и олицетворению: "The wings of the rushing wind seem to be bearing you onward, you know not where... you are a part of Nature! <...> and the clouds, so close above your head, are brothers" [10, p. 97] – «Кажется, что крылья мчащегося ветра несут вас вперёд, и вы не знаете куда <...> вы – часть Природы, <...> а облака, которые так близко над головой, – ваши братья» (перевод автора). А в полном поэзии описании заката Джером щедро использует субстантивные метафоры, эпитеты, сравнение: "And the red sunset threw a mystic light upon the waters, <...> and made a golden glory of the piled-up clouds. We seemed like knights of some old legend, sailing across some mystic lake into the unknown realm of twilight, into the great land of the sunset" [10, p. 98] – «Красный закат бросает мистический отблеск на воду <...> и золотым великолепием окрашивает сгрудившиеся облака. Мы подобны рыцарям из старых легенд, плывущим по мистическому озеру в неизвестность сумерек, в огромную страну заката» (перевод автора).

Приведём некоторые примеры стилистических средств, к которым прибегает Джером в пейзажных описаниях. Среди них ключевую роль играют эпитеты, например, персонифицирующие: "dead sun, sad clouds, dying day, sighing rushes" [10, p. 16] – «умершее солнце, печальные облака, умирающий день, вздыхающий камыш» [5,

с. 42], "shy young vine peeping" [10, p. 47] – «стыдливая молодая лоза» [5, с. 98]; аллитерирующие, сравнительные и антономасийные: "sad, silent sighs" [10, p. 78] – «грустные тихие вздохи» [5, с. 99], "deathlike silence" [10, p. 47] – «мёртвая тишина» [5, с. 98], "herculean task" [10, p. 18] – «задача по плечу одному Геркулесу» [5, с. 44]. И метафоры, например, "субстантивные: "Night's ghostly army" [10, p. 16] – «призрачные полчища ночи [5, с. 42], "realm of twilight" [10, p. 98] – «царство сумерек» [5, с. 186], "great land of the sunset" [10, p. 98] – «великая страна заката» [5, с. 186], "sweet smiling face of the river" [10, p. 131] – «улыбка реки» [5, с. 244]; глагольные: "the river prattles strange old tales, sings the old child's song" [10, p. 16] – «река рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку» [5, с. 42], "and we watch the river as it flows, ever singing, ever laughing, ever whispering to meet its king, the sea" [10, p. 17] – «и мы наблюдаем как течет и поёт, и смеётся, и шепчет река, чтобы встретить своего короля, море» (перевод автора); распространённые: "the moon <...> stoops down to kiss the river with a sister's kiss, and throws her silver arms around it clingingly" [10, p. 16] – «луна <...> наклоняется, чтобы поцеловать реку сестринским поцелуем, и заключает её в свои серебряные объятия» (перевод автора). Используются и сравнения, например: "It was a glorious morning, <...> and the year seems like a fair young maid, trembling with strange, wakening pulses" [10, p. 42] – «Стояло великолепное утро <...> и природа, словно юная красавица, охвачена непонятным, тревожным трепетом» [5, с. 88], "Montmorency and I stood there and waited both as good as gold" [10,

р. 75] – «Мы с Монморенси стояли и ждали оба, как золотце, тихие и смиренные» (перевод автора), *"Silent, like sorrowing children, the birds have ceased their song"* [10, р. 16] – «Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь» [5, с. 42].

Повесть Джерома – это настоящий путеводитель по Темзе, её шлюзам, с описанием городов, расположенных на её берегах, их истории, связанной с королевскими особами, войнами. И, рассказывая о них, он замечает, прибегая к сравнению: *"...all human life lies like a book before us"* [10, р. 80] – «...вся человеческая жизнь лежит перед нами, точно раскрытая книга» [5, с. 155]. Или, например, увлекательно повествуя в одиннадцатой главе о событиях, произошедших июньским утром 1215 г. на лугу Раннимед близ Лондона (на правом берегу Темзы между Виндзором и Стейнсом), когда группа восставших баронов вынудила короля Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей, гарантировавшую его подданным определённые привилегии и права, Джером использует красочное сравнение: *"John's French mercenaries hover like crouching wolves"* [10, р. 87] – «Французские наёмники короля напрыгались, как притаившиеся волки» (перевод автора); употребляет яркую субстантивную метафору (в форме квазитождества): *"...for the sword is judge and jury, plaintiff and executioner, in these tempestuous times"* [10, р. 87] – «...ибо в эти бурные времена меч – это судья и присяжный, истец и палач» [5, с. 168]; а саму хартию, вновь прибегая к метафоре, характеризует как «краеугольный камень английского храма свободы» [5, с. 171] – *"the great cornerstone in England's temple of liberty"* [10, с. 89].

В повести «Трое в лодке, не считая собаки» при анализе стилистических особенностей персонажной речи было выявлено, что Джером К. Джером чаще всего использует эпитеты и метафоры. Причём преобладают в его языке эпитеты речевые, их вдвое больше, чем языковых, и наибольшее число из них составляют метафорические эпитеты. Писатель прибегает также и к метонимическим (или перенесенным), сравнительным, гиперболическим эпитетам. Безусловно, эпитеты и метафоры, субстантивные и глагольные, а также распространённые, используются писателем при передаче картин природы, что неудивительно, так как эпитет ярче всего может выразить поразивший воображение художника пейзаж, а метафора, особенно распространённая, – создать запоминающийся поэтический образ. Метафору он использует и в своих философских размышлениях о жизни. Хотя Джером употребляет сравнения в меньшей степени, у него они обладают большой образностью. Не обходит он стороной и антитезу, нередко переходя при этом от серьёзного поистине философского утверждения к шутке.

«Трое в лодке, не считая собаки» – это лёгкая, светлая книга, весёлый фарс с бесконечным разнообразием комических положений, написанный «молодым человеком для молодёжи, а также и для тех пожилых людей, которые не забыли, как радостно и беззаботно смеются в молодости» [1, с. 14].

Джером упорно позиционирует своих героев, да и самого себя как лентяев. Во время своего, на первый взгляд довольно-таки ординарного, путешествия по реке друзья в этой повести постоянно спорят о том, кто

больше всех работает, кому выполнять обязанности, связанные с физической нагрузкой. Каждому из них постоянно кажется, что именно он выполняет всю работу, а друзья прохлаждаются за счёт его усилий. Все они плохо выполняют то, что должны: ломают, роняют и забывают необходимые вещи. Безделье героев книги – просто одно из очередных чудачеств, которые обязательно должны быть у каждого настоящего англичанина.

Талант Джерома-рассказчика скачивается в сочетании в его повести юмористического и философского начал, его творческая манера сочетает юмор и назидательность, отмечена изобилием комических ситуаций. Нельзя не отметить ироничность стиля Джерома и афористичный язык его произведений.

В 1892 г. Джером был приглашён редактором и соиздателем в новый юмористический журнал «*Idler*» («Лентяй»). Его фигура в качестве редактора определила и характер журнала, и само название, сразу же извещавшее читателя, что ему предстоит встретиться с тем самым лентяем, праздные мысли которого так позабавили всех несколько лет назад.

Обязанности редактора оставляли ему так мало досуга, что за пять лет своей издательской работы он не написал почти ничего. Но редактором и организатором он был великолепным. Он сумел собрать вокруг своего журнала и талантливую молодёжь, и известных уже писателей. По пятницам Джером К. Джером устраивал литературные вечера, на которых бывали известные литераторы – Р. Стивенсон, Г. Уэллс,

Б. Шоу, Т. Гарди. Джером также общался с такими писателями, как А. Конан Дойл, Р. Киплинг, Б. Гарт и М. Твен, чья литературная деятельность была близка Джерому К. Джерому. В 1893 г. он начинает издавать еженедельник «*To-day*» («Сегодня»), который многие считали одним из лучших еженедельных журналов в Англии. Страсть к театру он сохранил на всю жизнь, и в круг его друзей входят такие театральные знаменитости, как Сэр Генри Ирвинг и Сара Бернар [3, р. VIII]. В 1897 г. из-за финансовых трудностей Джерому пришлось уйти из обоих изданий.

Как раз в этот период, а именно в 1894 г., выходит сборник «Джон Ингерфилд и другие рассказы» [11]. С годами тональность произведений Джерома меняется, на смену весёлым и смешным приходят произведения серьёзные, глубоко психологические, в которых поднимаются вопросы морали, нравственности, справедливости. Сам Джером предваряет книгу небольшим предисловием, озаглавленным «Моему благосклонному читателю, а также моему благосклонному критику» («*To the Gentle Reader, also to the Gentle Critic*»). В предисловии он пишет, что хочет ясно и отчетливо констатировать, что рассказ о Джоне Ингерфилде и ещё два рассказа из этого сборника совсем не забавные и не смешные, и что он был бы рад, если бы читатели и критики судили о них не с точки зрения того, содержится ли в них юмор «новый или старый», а руководствуясь другими критериями. И действительно, в повести об Ингерфилде нет ничего от искромётного юмора, свойственного раннему творчеству писателя.

Стилистические лексические средства в авторской речи в повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны»

Особенности авторской речи писателя рассмотрим на примере его повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны» [12], написанной от третьего лица, в подзаголовке которой указано: повесть из жизни старого Лондона в двух главах. Спустя всего пять лет после написания повести о забавных приключениях плавания по Темзе Джером рисует картину нищеты, тяжёлого труда, болезни и страданий простого люда, жестокой схватки со смертью главных героев, Джона и Анны Ингерфилд, зарождения и расцвета их любви, изображает характеры сильные, натуры глубокие.

В этой короткой повести писатель точно называет время описываемых событий, указывая, что это произошло в правление Георга III. В экспозиции, используя образные стилистические средства, эпитет и метафору, он рисует безотрадную картину лондонского предместья с мрачными, убогими домишками – *“cheerless, <...> sad-looking little old houses”* [12, p. 1], где расположены причал, склады и контора главного героя, а также старая церквушка с закопчёнными стенами – *“ancient, <...> soot-grimed church”* [12, p. 1], с тёмным обнесённым забором двором – *“dingy railed-in churchyard”* [12, p. 1], где находится могила Джона и Анны Ингерфилд с расшатанным и покосившимся от времени надгробием – *“headstone ... tottering and bent”* [12, p. 1]. Джером использует метафорическое олицетворение: *“the ancient church <...> seems weary of the ceaseless jangle”* [12, p. 1] – «церковь кажется уставшей

от непрерывного гула голосов» (перевод автора). И далее он употребляет глагольную и весьма поэтичные субстантивные метафоры: *“...listening to the long silence of the dead and fretful voices of the living, <...> the deep music of life and death”* [12, p. 1] – «прислушиваясь к долгому молчанию мёртвых и беспокойным голосам живых, <...> к музыке жизни и смерти» (перевод автора).

Говоря о складе характера людей типа Ингерфилда, Джером многократно использует повторы. Например, рамочный повтор: *“They are a money-making race: in all times, out of all things by all means, they make money”* [12, p. 1] – «Этот род сплошь состоит из людей, делающих деньги. Во все времена, из всего на свете, всеми средствами делают они деньги» [6, с. 49]. Он также использует эпитет: *“They fight for money, marry for money, live for money, are ready to die for money”* [12, p. 1] – «Они сражаются ради денег, женятся ради денег, живут ради денег и готовы умереть ради денег» [6, с. 49] *“They fought for their price, and they took good care that they obtained their price; but the price settled, they fought well”* [12, p. 1] – «Они боролись за цену и зорко следили за тем, чтобы получить эту цену, но, договорившись о цене, воевали хорошо» (перевод автора). А характеризуя предков Ингерфилда, Джером прибегает к метафоре и эпитету, говоря, что они были солдатами судьбы: *“Each Ingerfield... was a soldgier of fortune and offered strong arm and cool head to the highest bidder”* [12, p. 1] – «Все Ингерилды ... были наемниками и предлагали свою сильную руку и твердый дух тому, кто платил больше» [6, с. 49] *“A hard, stern race of men they would seem to have been, but just”* [12, p. 1] – «Люди суровые, быть может безжалостные, но

справедливые» (перевод автора). Писатель придаёт романтичности их облику, используя распространённую метафору: “*The sleeping spirit of the old Norse Rover stirred in their veins, and the lilt of wild sea-song <...> kept ringing in their ears*” [12, p. 1] – «Их взбудоражил проснувшийся в их крови дух скандинавских морских скитальцев и пиратов, а в ушах зазвучала <...> весёлая и дикая морская песня» (перевод автора).

Пересказывая легенду о смелом капитане из рода Ингерфилдов, погибшем в бою вместе с командой, кораблём и награбленным имуществом, но не выдавшим королевскому фрегату матроса из своей команды (эпитет “*sweeter*”), Джером тем самым подчёркивает благородство, присущее этим людям: “*Captain Ingerfield has discovered there are sweeter things to fight for than even money*” [12, p. 1] – «Капитан Ингерфилд понял, что есть вещи более приятные, чем деньги, вещи, за которые стоит сражаться» (перевод автора). И, усиливая впечатление от тонущего корабля, название которого “*Wild Goose*” («Дикий гусь»), писатель использует множественный анафорический повтор: “*Down goes the Wild Goose, her last chase ended – down she goes with her colours flying; and down with her goes every man left standing on her deck*” [12, p. 1] – «Ко дну идёт «Дикий гусь», ибо окончена последняя охота, ко дну идет он с развешивающимися флагами, и ко дну идут вместе с ним все, кто еще остался на палубе» [6, с. 52].

Заклячая рассказ о предках Джона Ингерфилда, героя его повести, Джером вновь прибегает к распространённой метафоре: “*The Ingerfields <...> bear buried in their heart seeds of nobler manhood, for which however, the*

barren soil of their ambition affords scant nourishment” [12, p. 1] – «Ингерфилды <...> носят глубоко в своих сердцах семена благородной мужественности, которые, однако, не смогли дать всходы на бесплодной почве их честолюбия» [6, с. 52].

Чтобы занять высокое положение в обществе, Джону Ингерфилду нужна красивая, образованная, родовитая жена, объясняет читателю Джером, используя эпитет и метафору: “*She must be of good family, with a genealogical tree sufficiently umbrageous*” [12, p. 2] – «Она должна быть из хорошей семьи с достаточно развесистым родословным деревом» [6, с. 53] “... *all John Ingerfield requires for a wife is a beautiful social machine*” [12, p. 2] – «...Джон Ингерфилд требовал от своей жены единственно, чтобы она была красивой светской машиной» [6, с. 60]. Он обращается с просьбой помочь найти ему такую к приятелю, Уиллу Каткарту, человеку пустому, но принятому в свете, характеризуя которого, Джером использует метафору: “*a curious social fly*” [12, с. 2] – «любопытная социальная муха» [6, с. 54]. Найдя невесту для Джона, он искренно восклицает, используя фразеологизм: “*You’ll fall over head and ears in love with her the moment you see her*” [12, p. 2] – «Ты влюбишься по уши, как только увидишь её» [6, с. 58]. Но, поясняя, почему Анна Синглтон, обаятельная невеста из знатной семьи, согласна на этот брак, Уилл поясняет, используя клишированное сравнение: “*the family are poor as a church mice*” [12, p. 2] – «семья бедна, как церковная крыса» [6, с. 58].

Описывая внешность Анны, какой она изображена на портрете Рейнолдса, Джером вновь использует эпитет-

ты и повтор: *"Her portrait, by Reynolds shows a wonderfully handsome and clever face, but at the same time a wonderfully cold and heartless one"* [12, p. 3] – «С её портрета кисти Рейнолдса смотрит лицо поразительно красивое и умное, но в то же время поразительно холодное и бессердечное» [6, с. 60]. Но когда любовь озарила её, лицо приобретает *"a laughing and winsome expression"* [12, p. 3] – «весёлое и ласковое выражение» [6, с. 60]. Замужество Анны Джером, используя метафору, называет сделкой: *"They concluded an unsatisfactory bargain"* [12, p. 3] – «Они заключили неудачную сделку» (перевод автора), а Анна – экспериментом: *"Let's hope the experiment will succeed"* [12, p. 3] – «Будем надеяться, что опыт удастся» [6, с. 61].

Анне двадцать два года, и Джером убеждает читателя, прибегая к метафорам в форме квазижизни, что она уже знает: *"...that love is only a meteor in life's sky, and the true lodestar of this world is gold"* [12, p. 3] – «...что любовь – это лишь метеор на небе жизни, а настоящей путеводной звездой является золото» [6, с. 62].

Надо отметить, что, говоря об Анне, Джером не жалеет красок, используя широкий спектр изобразительных выразительных средств. Так, он описывает её первую любовь *"the love that was worth braving all the world for"* [12, p. 3] – «любовь, стоившая того, чтобы ради неё бросить вызов всему миру» [6, с. 63], не скупясь при этом на метафоры: *"Ann Singleton has had her romance and buried it deep down in her deep nature and over its grave, to keep its ghost from rising, has piled the stones of indifference and contempt"* [12, p. 3] – «Анна Синглтон уже извела любовь и похоро-

нила её в самой глубине души, а на могиле, чтобы призрак не мог подняться оттуда, навалила камни безразличия и презрения» [6, с. 63].

Джером делится своими размышлениями о любви и замечает: *"bruised hearts can heal"* [12, p. 3] – «разбитые сердца могут исцеляться» [6, с. 63].

Анна, соглашаясь на брак с Джоном Ингерфилдом, не помышляет о любви, да он ей её и не предлагает, говоря с ней лишь о деньгах. Но ей хочется и богатства, и роскоши, указывает Джером, описывая её желания с помощью целого ряда эпитетов: *"It will be pleasant to be the wealthy mistress of a fine house, to give great receptions, to exchange secret poverty of home for display and luxury"* [12, p. 3] – «Будет приятно быть богатой хозяйкой чудесного дома, устраивать грандиозные приемы, поменять тайную нищету на открытую роскошь» (перевод автора).

Описывая выгоды, которые получил Ингерфилд в результате женитьбы на Анне благодаря её красоте, такту, высокому происхождению, Джером использует метонимию, а именно, синекдоху: *"Doors that would otherwise remain closed she opens to him. Society, that would otherwise pass by with a sneer, sits round his table"* [12, p. 3] – «Она открывает для него двери, которые иначе остались бы для него закрытыми. Общество, которое в ином случае прошло бы мимо него с презрительной усмешкой, сидит за его столом» [6, с. 64]. А говоря об учтивости, которую Джон проявляет по отношению к Анне, Джером использует анафорический повтор: *"Her every expressed want is gratified, her every known distaste rejected"* [12, p. 3] – «Каждое высказанное ею желание выполняется, каждое выра-

жение неудовольствия принимается во внимание» [6, с. 65].

Но обстоятельства складываются так, что Анна влюбляется в своего мужа, и он отвечает ей взаимностью. В разгар эпидемии тифа, когда она самоотверженно помогает Джону устраивать больничные палаты для его рабочих, закупать лекарства, ухаживать за больными, вспыхивает эта любовь.

Анна по-новому взглянула на своего решительного мужа, взявшего на себя ответственность за жизни своих людей, как некогда легендарный капитан Ингерфилд. Она осознаёт, что он молод, ему только тридцать шесть лет, он красив, и Джером описывает его лицо и голос, используя эпитеты: *“She steals another glance at his face – a strong, stern, handsome face, capable of becoming a noble face”* [12, р. 4] – «Она украдкой бросает ещё один взгляд на его лицо – сильное, суровое, красивое лицо человека, способного на благородные поступки» [6, с. 72]. Ей нравится его голос: *“Ann feels it good <...> to hear the deep, strong music of his voice”* [12, р. 4] – «Анне приятно слушать музыку его сильного, низкого голоса» (перевод автора). Между ними рождается глубокая любовь, как пишет Джером, вновь используя метафору: *“And the barrier between them is swept away, and the deep water of their love rush together”* [12, р. 5] – «И стена, разделявшая их, рухнула, и глубокие воды их любви сливаются в один стремительный поток» [6, с. 76]. И Джером пишет об этой любви философски, используя яркие метафоры: *“So from soil of human suffering spring the flowers of human love and joy, and from the flowers there fall seeds of infinite pity for human pain”* [12, р. 5] – «Так из человеческого страдания рождаются цве-

ты человеческой любви и радости, а их семена дают всходы бесконечного сострадания к человеческой боли» (перевод автора).

Муж и жена отважно боролись за жизнь своих людей, и болезнь отступила. Джером пишет об этом, образно сравнивая эпидемию с наевшимся зверем: *“At last the plague, like some gorged beast of prey, slinks slowly back towards its lair, and men raise their heads and breathe”* [12, р. 5] – «Наконец, болезнь, подобно насытившемуся хищнику, уползает медленно в своё логово, и люди ободряются, вздыхают с облегчением» [6, с. 77].

Но Джон всё же заразился, он смертельно болен, и Анна не отходит от его постели. Заразившись, она умирает вслед за ним.

Безусловно, следует отметить мелодраматичный характер этого произведения, схематичность характеров его главных героев, некоторую напыщенную красоту его метафор и эпитетов, связанных с темой любви и разбитого сердца героини, их избыточность (все они разобраны выше), например, «любовь – это метеор на небе жизни», «похоронить любовь глубоко в сердце», «на могиле любви, путеводная звезда», «прекрасное, но холодное лицо Анны» или «суровое, благородное лицо Джона». Причём, если в первой повести преобладали речевые эпитеты, то в этой писатель в равной степени использует и речевые, и языковые. Но есть в этой повести и прекрасные находки, например, сравнение чумы с насытившимся зверем и описание церкви, которая прислушивается к долговому молчанию мертвых и беспокойным голосам живых.

Несомненно, присутствует в этой повести и назидательность Так, предок

Джона, капитан пиратов, погибает, защищая своих матросов, как умирает и Джон Ингерфилд, спасая своих рабочих от тифа, потому что, как замечает Джером, есть вещи дороже золота, за которые стоит сражаться.

Как видно из анализа текста этой короткой повести, Джером, в отличие от предыдущей повести, более щедро использует метафоры, чем эпитеты. Он также часто прибегает к повторам, рамочным и анафорическим, и эпифоре, к метонимии, в частности, к синекдохе, и, конечно, к сравнению.

Несомненно, на выбор Джеромом героя определённого типа, принадлежащего среднему классу, повлияло его восприятие мира и человека. Его герой – не представитель высшего света, но и не человек «дна», безработный, нищий. Джером, с детства познавший тяжесть нищеты, не был склонен описывать весь ужас такого существования. В своей книге «Моя жизнь и эпоха» Джером с известной долей сарказма упоминает о господах-литераторах, которые много и охотно пишут о «дне», обнаруживая там и юмор, и даже романтику, но для того, чтобы открыть все прелести «дна», нужно самому находиться на поверхности. Джером видел всё окружающее его зло, но не пытался переделать мир, принимая его таким, какой он есть. Вместе с тем велика была вера писателя в ценность человеческой личности и в возможность нравственного совершенствования человека. Вспоминая прошлое, писатель приходит к мысли, что главная «битва жизни» – с самим собой, а не за себя. «Я встречал больше честных и хороших людей, чем злых, и потому предпочитаю думать о первых» [13, р. 90], – признаётся он. Именно таким честным, мужествен-

ным, смелым и является Джон Ингерфилд. Рисуя британские характеры: и суровый, хотя и не лишённый ореола романтичности характер Джона Ингерфилда, и характер жены его Анны, способной на жертвенную самоотверженную любовь, и характер предка главного героя, бесстрашного капитана Ингерфилда, – Джером затрагивает важные нравственные проблемы, раскрывает внутренний мир героев, сообщая читателю своё знание о мире, своё мировоззрение.

Итак, проанализировав стилистические особенности произведений Джерома К. Джерома, следует отметить, что в обеих повестях – и в авторском повествовании, и в персонажной речи – автор использует широкую палитру стилистических выразительных средств, а именно эпитет, метафору, сравнение, повтор, метонимию, антитезу. В результате анализа текста двух произведений было выявлено около трёхсот примеров использования писателем различных стилистических приёмов, но его излюбленными приёмами являются метафора и эпитет, составляющие соответственно треть и половину всех примеров, при этом наибольшей частотностью обладают метафоры субстантивные и эпитеты метафорические. Повторы, в том числе рамочные и анафорические, и эпифоры равны по численности примерно одной пятой от общего числа примеров.

Характерными чертами стилевой манеры Джерома считают «смесь пафоса и юмора», смеха и грусти. Юмор и дидактика составляют два полюса произведений Джерома. Писатель использовал гротеск, приёмы фарса и карикатуры, парадокс [2, р. 26].

Продолжая традиции английской литературы, Джером К. Джером в наибольшей степени старался следовать творческой манере Диккенса. Ему близок жизнеутверждающий добродушный юмор ранних произведений Диккенса, о чём он сам неоднократно упоминал в автобиографии «Моя жизнь и эпоха» [13], он созвучен лёгкому, ироничному стилю его собственных юмористических произведений. Создать столь остроумные, полные доброго юмора произведения мог только наблюдательный, равнодушный человек с огромным литературным талантом, но порой его юмор приобретает оттенок грусти. Как и Ч. Диккенс, Джером К. Джером в процессе творческого роста эволюционирует от просто смешных до серьёзных произведений с нравственной и философской проблематикой.

В 1902 г. Джером опубликовал роман «Пол Келвер», который считается автобиографическим. В девятой главе, озаглавленной «О том, как Пол вырабатывал характер», Джером описывает встречу мальчика с Диккенсом. Как-то летом в тихий ясный вечер, бродя по дорожкам парка Виктории, он увидел красивого крепкого мужчину с чёрными с проседью волосами и седой бородой, похожего на капитана дальнего плавания, одиноко сидевшего на дальней скамейке. В своих мемуарах

Джером пишет, что узнал Диккенса по сходству с его портретом и, преодолев робость, подошёл и заговорил с ним [13]. Тогда он ещё не подозревал, что эта встреча станет, возможно, решающим событием его жизни. В романе же в диалоге с Диккенсом (в форме советов этого седобородого джентльмена) юному Полу высказаны важнейшие мысли Джерома по поводу писательского труда и предназначения писателя: писать надо так, как, кроме тебя, никто не пишет, в этом тайна писательского ремесла: «ты должен быть хорош по-своему, а не как другие» – но книгу надо писать исключительно для собственного удовольствия, не думая о деньгах, о славе и прочей мишуре; писать книги – это благородное призвание, потому что книги доставляют людям радость, помогают им забыть свои горести [7]. Любовь к Диккенсу Джером пронёс через десятилетия, по мере сил стараясь следовать диккенсовским творческим заветам, поднимая в своих произведениях вопросы морали, справедливости, гуманности.

Джеромом были созданы восемнадцать сборников новелл и эссе, около двадцати пьес и пять романов. И всё же в историю английской и мировой литературы Джером К. Джером вошёл как автор юмористической повести «Трое в лодке, не считая собаки» и сборников юмористических новелл и эссе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Литература

1. Маркиш С.П. Джером Клапка Джером // Джером К.Дж. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 3–22.
2. Connolly J. Jerome K. Jerome. A Critical Biography. London: Orbis Pub, 1982. 208 p.
3. Harvey G. Introduction // Jerome K.J. Three Men in a Boat. Three Men on the Bummel. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. VII–XXIX.

Источники

4. Джером К.Д. Из сборника «Праздные мысли лентяя» 1886 // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 279–329.
5. Джером К.Д. Трое в одной лодке, не считая собаки // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 24–276.
6. Джером К.Д. Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны. Повесть из жизни старого Лондона в двух главах // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 46–81.
7. Джером К.Д. Пол Келвер. М.: АСТ, 2013. 416 с.
8. Jerome K.J. On the stage and Off: the Brief Career of a Would be Actor. Gloucester: Alan Sutton, 1991. 143 p.
9. Jerome K.J. Idle Thoughts of an Idle Fellow [Электронный ресурс]. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu000849.pdf> (дата обращения: 15.10.2016).
10. Jerome K.J. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). Moscow: Higher School, 1976. 159 p.
11. Jerome K.J. John Ingerfield and Other Stories [Электронный ресурс]. URL: http://www.homeenglish.ru/jerome_john.htm (дата обращения: 18.10.2016)
12. Jerome K.J. In Remembrance of John Ingerfield and of Ann, His Wife [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adelanta.info/library/humor/218.html?part=6&lan=for&pages=> (дата обращения: 10.01.2017).
13. Jerome K.J. My Life and Times. Gloucester: Alan Sutton, 1984. 250 p.

REFERENCES & SOURCES**References**

1. Markish S.P. Dzherom Klapka Dzherom [Jerome Klapka Jerome] // Dzherom K.D. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1 [Jerome K. Jerome. Selected works in two volumes. Volume one]. M., Khudozhestvennaya literaturf, 1957, pp. 3–22.
2. Connolly J. Jerome K. Jerome. A Critical Biography. London: Orbis Pub, 1982. 208 p.
3. Harvey G. Introduction // Jerome K.J. Three Men in a Boat. Three Men on the Bummel. Oxford: Oxford University Press, 1998, pp. VII–XXIX.

Sources

4. Dzherom K.D. Iz sbornika «Prazdnye mysli lentyaya» 1886 [From the book "Idle thoughts of the sluggard," 1886] // Dzherom K.D. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 279–329.
5. Dzherom K.D. Troe v odnoi lodke, ne schitaya sobaki [Three men in a boat, not counting the dog] // Dzherom K. Dzherom. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 24–276.
6. Dzherom K.D. Pamyati Dzhona Ingerfilda i zheny ego Anny. Povest' iz zhizni starogo Londona v dvukh glavakh [In memory of John Ingerfield and his wife Anna. The story of the life of old London in two chapters] // Dzherom K. Dzherom. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 46–81.
7. Dzherom K. Dzherom. Pol Kelver [Paul Kelver]. M., AST, 2013, 416 s.,
8. Jerome K. Jerome. On the stage and Off: the Brief Career of a Would be Actor. Gloucester: Alan Sutton, 1991. 143 p.
9. Jerome K.J. Idle Thoughts of an Idle Fellow [E-source]. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu000849.pdf> (request date 15.10.2016)

10. Jerome K.J. *Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)*. Moscow: Higher School, 1976. 159 p.
 11. Jerome K.J. *John Ingerfield and Other Stories* [E-source]. URL: http://www.homeenglish.ru/jerome_john.htm (request date 18.10.2016).
 12. Jerome K.J. *In Remembrance of John Ingerfield and of Ann, His Wife* [E-source]. URL: <http://www.adelanta.info/library/humor/218.html?part=6&lan=for&pages=> (request date 10.01.2017).
 13. Jerome, K.J. *My Life and Times* / Gloucester: Alan Sutton, 1984. 250 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонкина Софья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: SonyaS@live.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya Safonkina – candidate of Philology, associate professor, professor at English philology department of Institute of linguistics and cross-cultural communication of the Moscow Region State University;
e-mail: SonyaS@live.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сафонкина С.А. Особенности идиостиля Джерома К. Джерома // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 32–49.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49

CORRECT REFERENCE

S. Safonkina. Jerome K. Jerome's idiosyncrasy features // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 32–49.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49